
РЕЦЕНЗИИ

Г.В.Засыпкина

**ДАКИ II-III ВВ. К ВОСТОКУ ОТ КАРПАТ.
НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ**
Рецензия на монографию M.Ignat «*Dacii liberi din Moldova. Contribuții arheologice. Necropole de la Podeni și Zvoriștea*», Iași, 1999.

G.V.Zasypkina. The Dacians from East of the Carpathian Mountains in II-III cc. New Studies of Funeral Sites

The objective of this review is to inform the readers about a new monograph in Romanian language. The book titled "Free Dacians in Moldova. Archaeological Records. Cemeteries Podeni and Zvoryshtea" by M.Ignat studies material and spiritual culture of the Dacians on the lands between the Carpathians and Prut river in II-III cc. A.D. The monograph publishes material collected on two Dacians cemeteries of the time and offers author's own typology of pottery and other goods. The author provides both traditional typology and systematization of the grave goods by role and use of each item in the funeral rite. Of major attention is study of the funeral rite among the free Dacians in various aspects: from classification of graves to reconstruction of cremation ceremony and religious beliefs about existence after death. Based on differences in funeral rite, the author gives a classification of Poeneshti cemeteries, as the published sites belong to this group, and divides it into chronological phases which are synchronized with neighbour cultures and cultural groups.

В 1999 г. в г.Яссы (Румыния) вышла монография М.Игнат «*Dacii liberi din Moldova. – Contribuții arheologice. – Necropole de la Podeni și Zvoriștea*» («Свободные даки Молдовы. Археологические данные. Могильники Подень и Зворыштя»), в которой рассматриваются отдельные аспекты материальной и духовной культуры дакийского населения Молдовы II-III вв.н.э. Задуманная как публикация материалов могильников Подень и Зворыштя, расположенных на северо-западе Молдовы и исследованных автором, в дальнейшем она была дополнена разработанной им типологией керамики и других категорий находок, а также реконструкцией погребальных ритуалов и связанных с ними верований свободных даков, общей периодизацией погребальных памятников культурной группы Поенешть, к которой относятся данные могильники, и ее этнической интерпретацией. В качестве источников использованы только могильники; систематизация находок и хронологические исследования, таким образом, полностью основаны на материалах закрытых комплексов. Монография включает пять глав, одну из которых составляет публикация материалов могильников, и приложение с соответствующими иллюстрациями.

Первая глава содержит обзор географического, археологического и отчасти исторического контекста рассматриваемых могильников. В качестве географических рамок исследования указаны равнина Молдовы и Сучавская возвышенность, т.е. территории между Восточными

Карпатами и Прутом, но для сравнительного анализа привлекаются материалы дакийских памятников других регионов. Признаваясь в неосведомленности относительно ситуации за пределами Румынии, автор намеренно не касается Пруто-Днестровского междуречья, хотя неоднократно обращается к материалам липицких памятников Верхнего Поднестровья. Хронологические рамки исследования – от начала II до начала IV вв. – ограничены завоеванием Дакии Римом и сложением черняховской культуры. Верхнюю границу данного периода исследователь называет концом дакийской цивилизации, но не дакийской культуры, так как последняя «передала нить преемственности следующим векам». В качестве археологического контекста представлены дакийские поселения и могильники, находки римского импорта и памятники инородного (alogenă) населения.

С наибольшей полнотой и обстоятельностью рассмотрены дакийские поселения. Среди них выделены точно датированные II-III вв., которых большинство (74 из 120; 13 из них раскопаны) и «неопределенные», которые могут принадлежать к этому периоду. Это сделано с целью избежать ошибочного отнесения раннечерняховских памятников к дакийским, что иногда допускалось некоторыми исследователями. Более узкую датировку отдельных поселений автор пока не считает возможной из-за отсутствия детальных типологических исследований. Называя в качестве характерных черт дакийских поселений этого времени неукрепленность, недолговременность, примерно

одинаковый уровень социально-экономического развития, единообразие материальной культуры и топографии, он подчеркивает существенные отличия данной ситуации от предшествующего периода, когда над неукрепленными дакийскими поселениями доминировали крепости, и ее типичность для многих близких по времени культур: пшеворской, зарубинецкой, карпатских курганов, а также черняховской. Смену типа поселений М.Игнат связывает в первую очередь с внутренними факторами, в том числе экономическими (экстенсивное земледелие), с повышенной мобильностью населения в эпоху потрясений и военных конфликтов, а также с римским завоеванием Дакии: уничтожение в ней королевской власти и жреческой касты привело к исчезновению крепостей – бывших центров экономической, политической и духовной жизни, что способствовало развитию новых форм социально-политической организации, отличавшейся более динамичной структурой. Говоря о процветающей материальной культуре и значительном демографическом скачке, на который указывает численность поселений, он предполагает существование во II-III вв. крупной политической организации, которую ниже отождествляет с военным союзом карпов. Приведенные данные создают достаточно полную картину, однако в дальнейшем при анализе могильников какие-либо параллели с материалами поселений приводятся довольно редко.

В отношении могильников исследователь акцентирует внимание прежде всего на степени их изученности, так как эта категория памятников со всеми подробностями рассматривается в следующих главах. Отмечая, что плотность дакийских памятников (как поселений, так и могильников) на Сучавской возвышенности выше, чем восточнее – на равнине Молдовы, он объясняет это тем, что дакийское население предпочитало возвышенности в силу экономических факторов, категорически отрицая роль сарматов, памятники которых сосредоточены на равнине; однако, первый тезис не уточняется, а второй не аргументируется.

Находки римских вещей и монет М.Игнат рассматривает как свидетельство постоянных и интенсивных связей свободных даков с империей, включения их в сферу ее «невидимых границ». По его утверждению, большинство находок римского происхождения следует напрямую связывать с присутствием дакийского населения, даже если они найдены отдельно или при неизвестных обстоятельствах, о чем вряд ли можно говорить с такой уверенностью.

Для севера Молдовы выделено три группы памятников, отнесенных автором к «инородному» населению: это культура карпатских курганов, сарматские памятники, известные в западной части региона, и памятники населения, связанного с пшеворской культурой, которое М.Иг-

нат называет «восточногерманским». Носителей первой он считает преимущественно дакийским населением из бассейна Верхней Тисы. Однако то, что в данной зоне эта культура представляет собой новое явление, выступает как достаточное условие для причисления ее к «инородным» памятникам (в культурном, но не этническом отношении), хотя это входит в некоторое противоречие с его заявлениями о единстве дакийской культуры. Взаимоотношения даков и сарматов, проживающих на равнине Молдовы, по его мнению, ограничивались обменом при сохранении обоими народами своей этнической обособленности на протяжении всего рассматриваемого периода и отсутствии каких-либо свидетельств их совместного проживания, оседания кочевников и ассимиляции их «автохтонами». Об инфильтрации немногочисленных групп носителей пшеворской культуры он считает возможным говорить только для конца III в., хотя уже с I в. до н.э. связи с ними прослеживаются в виде импорта и заимствований дакийским населением отдельных элементов материальной культуры и погребального обряда. Пшеворское влияние становится особенно сильным во II-III вв.н.э., что ниже неоднократно подтверждается археологическими данными.

Вторая глава содержит публикацию материалов могильников Подень и Зворышта. Она включает историю их исследования, данные о географическом и топографическом положении, стратиграфии, количестве погребений и их расположении в пределах могильника, а также типах погребальных сооружений. Могильник Подень, где обнаружены только дакийские погребения (за исключением одного труположения), опубликован полностью. Из Зворышта, где присутствуют также отдельные находки, отнесенные к эпохе бронзы, комплексы III в. до н.э., интерпретированные как «поля ритуальных ям», и остатки средневековых сооружений, публикуются только материалы исследуемого периода, для других культурно-хронологических горизонтов приводится их обобщенное описание. Кроме погребальных комплексов, в публикации представлены находки с древней дневной поверхности могильника, обнаруженные только в Зворышта.

Полный каталог находок, опубликованных по комплексам, включает для каждого из них такие данные как: полные координаты (номер погребения, сектор раскопа, год раскопок), способ оборудования погребения (наличие урны и ее состояние; тип сосуда, служащего урной, и его особенности); описание погребального инвентаря с указанием типов керамических сосудов согласно разработанной в данной монографии типологии автора. Отмечается наличие на урнах и инвентаре следов огня, так как М.Игнат отводит этому признаку важную роль при реконструкции особенностей погребального

обряда. Форма ям и их размеры, за исключением глубины, не указаны по той причине, что контуры большинства погребений не удалось зафиксировать при раскопках.

В связи с неполной исследованностью могильника Подень и разрушением части погребений в Зворыштя автор делает попытку подсчитать приблизительное первоначальное количество погребальных комплексов на каждом памятнике, учитывая их плотность на различных участках и общую площадь могильника, с целью выяснения демографической ситуации в оставивших их общинах. Полученные им результаты составляют для Подень 75-100 погребений, для Зворыштя – 120-130, что в целом он считает сравнительно скромным количеством для памятников такого типа.

Таблицы с иллюстрациями, помещенные в приложении, отличаются хорошим качеством изображения; соблюдено разделение по комплексам с четкой нумерацией находок, обозначены профили керамических форм. Приведены также планы каждого могильника, однако полностью отсутствуют планы и профили отдельных погребений. В целом, несмотря на указанные упущения, качество публикации является одной из лучших сторон рецензируемого издания.

В третьей, наиболее обширной, главе сосредоточено решение ряда проблем, связанных с исследованием погребального обряда свободных даков, среди которых центральной является реконструкция погребальных обычаев и соответствующих верований. Она начинается с краткого обзора этапов развития погребального обряда у «гето-даков», начиная с V-III вв. до н.э., с целью проследить, с одной стороны, преемственность между различными периодами, предшествующими римскому завоеванию, с другой – изменения, происходившие в данной области. При этом автор затрагивает проблему исчезновения могильников рядового населения в классический период дакийской культуры, причиной которого он, вслед за М.Бабешем, считает временное распространение новых религиозных представлений, предполагавших практику «невидимых» погребений (Babeş 1988: 3-32). Однако, в отличие от Бабеша, М.Игнат не связывает это явление с деятельностью Декеня, так как начало его распространения предшествует времени правления Буребисты. Появление могильников вновь (в Земплине и Липице – в I в.н.э., а на территории провинции и в Молдове – во II в.) он в порядке предположения объясняет ослаблением влияния дакийской жреческой касты, утверждавшей это учение, не уточняя, чем оно могло быть обусловлено. Если для провинции и отчасти для Молдовы этот гипотетический «факт» можно связать с римским завоеванием, то для Земплина и Липицы хронологическое противо-

речие, по-видимому, указывает на необходимость искать иное объяснение.

Далее следует обзор погребальных памятников различных культурных групп дакийского населения за пределами провинции – Липицы, Поенешть, Килия-Милитарь и памятников западных и северо-западных районов провинции Дакия. К сожалению, ни для одной из этих групп не указаны географические границы распространения, не приведено ни одной карты с обозначением расположения упоминаемых памятников, что оставляет представленную археологическую и культурную ситуацию в значительной мере неясной.

Считая нужным пересмотреть существующие точки зрения касательно липицких памятников, М.Игнат делит их на 2 группы с точки зрения хронологии и особенностей погребального обряда. Первая включает прежде всего могильники Верхняя Липица, Звенигород-усадьба Великача и Завалье, которые он считает дакийскими «с заметными инородными влияниями», не упоминая, что эта интерпретация уже неоднократно была высказана разными исследователями (Цигилик 1975: 153-158; Козак 1990: 48-55; Щукин 1994: 231-232). Ко второй отнесены хронологически более ранние смешанные могильники, содержащие как дакийские, так и пшеворские погребения: Болотное, Звенигород и др. Автор не делает попыток разделить погребения этой группы по культурно-этническому признаку, ссылаясь на ненадежность существующих критериев. Упоминая впускные погребения в Чижикове и Колоколинине, он оставляет их без какой-либо интерпретации, а связанные с ними проблемы не формулирует с достаточной четкостью.

Различия в погребальном обряде между хронологическими группами М.Игнат видит в том, что для более поздней характерен «добавочный» (complementar) биритуализм с исключительно детскими труположениями (7 труположений взрослых из Верхней Липицы он относит к эпохе бронзы, не приводя обоснований), а для ранней – биритуализм с труположениями взрослых. Не считая возможным связать наличие последних ни с пшеворскими, ни с дакийскими ритуалами (в обеих этих культурах труположения крайне редки), он пытается объяснить это либо легкостью изменения традиций при смешении культур, либо присутствием каких-то пока неизвестных культурных компонентов. Остается непонятным полное отрицание возможности сарматского влияния со ссылкой (без указания источника) на какие-то «последние исследования». При этом совсем не упоминаются мнения исследователей, которые указывали на более сложный в культурно-этническом отношении характер верхнеднепровских, в том числе липицких памятников, где отмечены не только сарматский и пшевор-

ский, но и зарубинецкий и кельтский компоненты (Козак 1989, 1990; Щукин 1974, 1994).

К группе Поенешть, которую отличает максимальное количество и разнообразие могильников и погребальных комплексов, М.Игнат причисляет ранее не относимые к ней периферийные и наиболее ранние памятники Сучава и Думбрава, а для группы Килия-Милитарь приводит только описание погребального обряда в сравнении с обрядами других групп и дакийского населения в целом.

Памятники, расположенные на западе провинции Дакия, рассматриваются в совокупности. Отмечая неоднородность и нестабильность этнической ситуации (в частности, присутствие сарматского и германского компонента), малочисленность известных дакийских могильников и недостаточную степень их исследованности, автор говорит о существовании нескольких территориальных и хронологических групп, но не считает возможным разделить их. Наиболее полно исследованный могильник Медиешул Аурит, расположенный севернее, он относит к свободным дакам, с некоторыми инородными элементами, отрицая мнения как об его пшеворской принадлежности, так и о том, что он иллюстрирует проникновение костобоков (которые здесь отождествляются с липицким населением) на юго-запад. Ряд его сходств с липицкими памятниками объясняется, по мнению автора, проникновением пшеворского населения и на те, и на другие территории, в различных пропорциях, но предпочтение этой версии не аргументируется. В погребальном обряде западной зоны М.Игнат не видит никаких отличительных черт, которые не встречались бы в других дакийских культурных группах. Главным критерием для классификации погребальных комплексов могильников Подень и Зворыштя, ввиду однообразия погребального ритуала (присутствуют исключительно трупосожжения) выступает способ устройства могилы, главным образом использование урн и их состояние, наличие остатков костра в яме. По этим признакам автором выделено четыре типа погребений: в урнах (тип А), в простых ямах (тип В), в ямах с остатками костра (тип С) и в ямах, где прах накрыт фрагментами керамики (тип D). Последние два он считает возможным рассматривать как варианты типа В, но особенности их устройства позволяют, по его мнению, выделить их в отдельные типы. В погребениях типа D фрагменты керамики, накрывающие прах, могут принадлежать разным сосудам, что отличает их от остатков разрушенной урны и не позволяет считать такие погребения вариантом типа А. Автор отмечает неравномерное распределение типов погребений на дакийских могильниках: если первые два встречаются у свободных даков повсеместно, то последние – только на отдельных памятниках, причем, по его словам, не были выделены ранее. При ис-

пользовании критериев классификации допускается некоторая непоследовательность: один и тот же признак (например, наличие остатков костра в погребении) может в одном случае выступать как типобразующий (в случае с безурновыми захоронениями по нему выделен тип С), в другом – нет (для урновых захоронений, где он тоже иногда фиксируется); однако в целом она выглядит довольно традиционной и не дает серьезных оснований сомневаться в ее адекватности ситуации на исследуемых могильниках.

Для урновых погребений выделяются варианты по таким признакам, как наличие крышки и состояние урны (целая или поврежденная). Если первый признак не расценивается как важный (с точки зрения погребального ритуала между захоронениями в накрытых и ненакрытых урнах не наблюдается существенных различий), то второй дает основания для ряда выводов. Повреждения урн М.Игнат считает в большинстве случаев преднамеренными и имеющими ритуальный характер, что подтверждается, в частности, частым совпадением фрагментированности урны и наличия на ней особенно явных следов огня. Ритуальное повреждение урн, по его мнению, происходило у погребального костра, так как их отбитые части нередко отсутствуют в погребении. Параллели этому ритуалу прослеживаются в могильнике Енисала и в пшеворской культуре. Отвергая, ввиду наличия целых урн, мнения о том, что это следы ритуального «убийства вещей» или меры предотвращения ограбления могилы, а также не обнаруживая связи между использованием целых либо ритуально поврежденных урн и определенными социальными или возрастными категориями, исследователь объясняет обычай разрушения урн страхом живых перед мертвыми, попытками предотвратить возвращение духа умершего. Однако следует отметить, что о социальных различиях он судит только по богатству инвентаря, тогда как структура общества обычно бывает более сложной, чем просто разделение на более или менее состоятельных лиц. К примеру, не последнюю роль может играть и род занятий, причем особое отношение к лицам некоторых «профессий» – достаточно широко известное явление, хотя уловить подобные закономерности на данном археологическом материале действительно сложно. Установить соотношение самого обычая употребления урн с социальной категорией погребенных также не удалось. Различия между могильниками по использованию в качестве урн тех или иных форм сосудов М.Игнат связывает с определенными этапами развития группы Поенешть, но не с различными погребальными ритуалами, указывая на отсутствие на дакийских могильниках специальных типов сосудов, предназначенных для погребальных целей.

Погребения в простых ямах, которые являются обычно самыми бедными (чаще всего безынвентарными) и очень характерны для территории римских провинций Дакия и Нижняя Мезия, автор затрудняется объяснить с точки зрения ритуала. Он предполагает, что этот тип связан со «скромным общественным положением», что выглядит наиболее правдоподобным. Происхождение обряда погребения в ямах с остатками костра, которое некоторые исследователи (Protase 1981: 111, 130, 135) считают провинциально-римским, учитывая его появление у даков только в римское время, он считает результатом пшеворского влияния, распространившегося через посредничество липицкого населения. Объяснение его ритуального значения он не приводит, считая, что оно требует обширного исследования, выходящего за рамки данной работы. Значение и происхождение обычая накрывать остатки кремации керамикой также не освещаются; указано только на его продолжение в IV в. в культуре Сынта-на де Муреш.

Систематизация погребального инвентаря в данном разделе осуществляется в соответствии с поставленной задачей: не по традиционным категориям и типам (керамика, украшения и т.д.), а с точки зрения роли и назначения в погребальном обряде, с учетом последовательности этапов совершения церемонии. На этом основании выделяются такие категории инвентаря, как детали костюма, бывшие на покойном во время сожжения (фибулы, пряжки, булавки и т.п. с отчетливыми следами пребывания в огне); специфические вещества, используемые при сожжении (смола, благовония и жидкости); дары (*ofrande*) покойному, принесенные на костер (самые различные вещи, включая сосуды и остатки мясной пищи, носящие следы пребывания в огне); сосуды, используемые для оборудования могил (урны, крышки и фрагменты керамики, накрывающие прах в погребениях типа D); дары, положенные в могилу (вещи, найденные необожженными и в основном целыми). Рассматривается распространение различных категорий инвентаря (особенно даров) на разных дакийских могильниках (в первую очередь в Подень и Зворышта); для некоторых из них приводятся объяснения их символического и ритуального значения, прослеживается связь с определенными типами погребений; выясняется также происхождение ряда вещей. В частности, указано на преимущественную встречаемость деталей костюма покойного в урновых погребениях. Такое сочетание может указывать на сравнительно высокое имущественное или социальное положение погребенных в урнах (учитывая наличие самой урны и богатство металлических аксессуаров), однако автор никак не интерпретирует эту связь. Обычай использовать в погребениях

смолу (*rășină de urnă*) он признает чуждым для дакийского мира и склонен связывать его происхождение с Центральной Европой. Различия между могильниками группы Поенешть, по его мнению, состоят прежде всего в различном соотношении типов погребений и распространении в них отдельных категорий инвентаря (в частности, необожженных даров).

Реконструкция особенностей дакийского погребального обряда преследует прежде всего цели систематизации имеющихся данных. М.Игнат рассматривает только церемонию трупосожжения – основного погребального обряда свободных даков. Погребения с трупоположением, встречающиеся в группе Поенешть, он не связывает с присутствием инородного населения, но и не доказывает их дакийскую принадлежность. Не считая возможным объяснить наличия этой практики у даков, он относит их в разряд исключений. Значение «добавочного» (*complementar*) биритуализма (с ингумацией детей), более характерного для группы Поенешть, автор также не может объяснить, ссылаясь на бедность имеющихся данных, хотя подобный обряд зафиксирован на семи могильниках, содержащих 273 погребения с трупоположениями. Отрицая римское происхождение этого обряда (Babeș 1988) на основании его более раннего проявления в северных зонах (в первую очередь в группе Липица) и отсутствия в могильниках Мунтении, он указывает на синхронность его появления с отказом от практики «невидимых» погребений и предположительно связывает с возрождением латенских традиций.

Стараясь опираться на данные, полученные исследователями для других народов, практиковавших трупосожжение, М.Игнат берет за основу своей реконструкции обряда кремации схему последовательности фаз этой церемонии по М.Кабальской (Cabalska 1968). Она включает такие стадии, как: 1) обычай находиться у изголовья умирающего; 2) подготовка тела к кремации (обмывание, умощение, облачение в погребальные одежды), 3) бдение возле выставленного тела; 4) транспортировка покойного с поселения на костер и похоронная процессия; 5) кремация; 6) собирание кальцинированных костей; 7) транспортировка остатков сожжения с костра на могильник; 8) подготовка места погребения; 9) погребение праха. Говоря о том, что эта схема была адаптирована к реалиям дакийского мира, автор фактически не вносит в нее изменений и касается всех ее этапов, хотя справедливо отмечает, что некоторые из них не прослеживаются или даже не могут быть прослежены по археологическим данным. В тех случаях, когда это возможно, он воссоздает для каждого из указанных этапов особенности, характерные для погребального обряда даков II–III вв., и предлагает объяснение их ритуального значения. Наиболее подробно рассматрива-

ется центральный этап ритуала, то есть собственно кремация.

Так как остатки погребальных кострищ не были обнаружены ни на могильниках, ни на поселениях этого периода, М.Игнат предполагает, что сожжение происходило, скорее всего, в специально отведенных местах. Неравномерное распределение в погребениях такой категории инвентаря, как остатки деталей костюма и украшений покойного, указывающее на то, что одних сжигали в праздничной одежде, других – в более скромной или в простом саване (*giulgiul*), он склонен связывать скорее с чисто ритуальными предписаниями для лиц определенного пола и возраста, чем с социальной или имущественной дифференциацией.

По представлению автора, тело клали на костер вместе с частью даров (*ofrande*), количество которых зависело от возраста и, вероятно, от пола и социального положения покойного. Во время горения костра в него бросали ароматические вещества, из которых археологически фиксируется только смола. В это же время, у костра, даки устраивали погребальный пир; посуда впоследствии разбивалась, так как вещи, используемые в погребальной церемонии, согласно верованиям, больше не могли служить в быту. Об этом свидетельствует, по его мнению, наличие в погребениях фрагментов керамики со следами огня, относящихся к разным сосудам.

Исследователь предполагает, что прах, собранный с остывшего костра в полотно (саван), в некоторых случаях мог подолгу храниться в нем и лишь спустя какое-то время погребался; этот обычай, известный у некоторых народов, мог быть связан с культами предков и плодородия. Этим, по его мнению, может объясняться наличие нескольких одновременно помещенных урн с прахом в некоторых погребениях, а также небольшое, символическое количество останков в ряде могил. Последнее он связывает с возрастными и хронологическими различиями (большее количество костей содержится в погребениях взрослых по сравнению с детскими и в комплексах более поздних могильников по сравнению с ранними), ссылаясь также на выводы других исследователей (D.Nicolaescu-Ploșor, W.Wolski 1976) о зависимости этого показателя от социального статуса покойного. Кальцинированные кости обычно хорошо очищали, а также намеренно ломали – для помещения в урну или в ритуальных целях.

Место погребения в пределах могильника устанавливалось, по мнению автора, согласно определенным критериям, в числе которых названа группировка по большим семьям, что выглядит логичным, но в данном случае ничем не подтвержденным предположением. Прах погребался в одних случаях в саване (тогда его находят в виде кома), в других – рассыпался по яме. Погребение остатков кремации могло со-

провождаться положением новых даров, которые находят необожженными; на отдельных могильниках зафиксирован обычай частично разбрасывать их по поверхности. Обычай класть дары непосредственно в могилу, распространенный лишь на некоторых могильниках, отличается, по мнению автора, от обычая приносить их на костер с точки зрения «эсхатологических концепций», однако не уточняется, каких именно и какой могла быть связь каждого типа даров с той или иной из них. Археологических следов поминальных обычаев на дакийских могильниках М.Игнат не находит и склонен считать, что у даков они в основном отсутствовали. Находки печей на некоторых могильниках рассматриваются им как свидетельства того, что некоторые общины все же практиковали поминки, хотя выше связываются с погребальным пиром.

Ввиду того, что реконструкция включает некоторые аспекты, которые не прослеживаются на археологическом материале, во многих случаях в качестве основных аргументов автор использует этнографические параллели. Однако частые ссылки на существование того или иного обычая у «других народов», без каких-либо уточнений, делают большинство подобных сопоставлений абстрактными и не вполне убедительными.

На основании различий в погребальном ритуале автор разделяет могильники группы Поенешть на две категории: исключительно с трупосожжением и биритуальные. В качестве критериев для более дробной классификации могильников выступают такие признаки, как количественное соотношение погребений разных типов (учитывая смешение разных ритуалов в пределах каждого могильника, автор подчеркивает особое значение именно этого аспекта), частота использования урн и их состояние, количественный и качественный состав инвентаря (сочетания различных типов даров, по мнению автора, демонстрируют разные ритуалы), присутствие коллективных одновременных (*simultan*) погребений, а также использование смолы. Учитывая их сочетание, М.Игнат выделяет пять групп могильников, которые ниже связывает с хронологическими фазами группы Поенешть. Первая характеризуется «добавочным» (*complementar*) биритуализмом, распространением ритуально фрагментированных и ритуально обожженных урн, крайней бедностью инвентаря и присутствием целых сосудов, не служивших урнами (*vase secundare*). Для нее характерно также очень малое, символическое количество кальцинированных костей в погребениях, в чем автор предполагает пережиток практики «невидимых» захоронений. «Добавочный» биритуализм отличает и вторую группу, а ее специфические погребальные ритуалы совпадают с третьей: могильники содержат исключительно

но трупосожжения с абсолютным преобладанием урновых (до 78-88 %), погребальный инвентарь разнообразен и обилен и включает все выделенные выше категории; встречаются коллективные погребения. Затрудняясь объяснить мотивы ингумации детей, автор не считает возможным понять связи между второй и третьей группой и допускает, что они могут составлять одну группу с двумя вариантами, один из которых отличается «добавочным» биритуализмом. Однако он не оговаривает, в чем видит различие между группой и вариантом.

В четвертой и пятой группах также присутствуют только трупосожжения, среди которых возрастает количество погребений в простых ямах (до 35%), но есть и захоронения в урнах, большинство которых повреждено, многие носят следы ритуального обжига; зафиксировано использование смолы, инвентарь беден. Специфической чертой пятой группы, отличающей ее от четвертой, является наличие погребений в ямах с остатками костра.

Признаки не распределяются по степени важности и рассматриваются в этом отношении произвольно, а их сочетаемость прослеживается интуитивно, без применения корреляции, что делает классификацию несколько аморфной и отчасти непоследовательной. Так, для первой группы указано присутствие в Вэлень погребений, относящихся ко второй группе, хотя классификация, как указано выше, разработана для могильников, включающих различные типы захоронений, но не для отдельных погребений. На других могильниках – Думбрава и Сучава – отмечено отсутствие труположения, а следовательно, биритуализма. Таким образом, этот признак, выступающий как один из наиболее характерных для первой группы, присутствует лишь на одном могильнике из трех; в ней фактически объединены могильники с «добавочным» биритуализмом и могильники, где труположение отсутствует, тогда как в другом случае это различие выступает как единственный критерий для разделения групп (второй и третьей). Однако осуществить пересмотр классификации на основании данных настоящей монографии вряд ли возможно, так как качественные признаки разных групп указаны в основном выборочно, а количественные лишь иллюстративно.

Попытка реконструкции «погребальных концепций» свободных даков осуществляется на основании археологических данных, с опорой на письменные источники и результаты некоторых исследований в области «эсхатологических представлений» различных народов. М.Игнат опирается прежде всего на мнение Fr.Cumont (Cumont 1947), согласно которому верования, связанные с погребальными обрядами, формировались в виде напластований: старые не исчезали с появлением новых, но

могли долго сосуществовать с ними. Воплощение данной идеи, которая сама по себе не бесспорна, осуществляется излишне прямолинейно. Ввиду отсутствия письменных свидетельств для данного периода, автор считает возможным использовать информацию ранних античных источников о погребальных обычаях «гето-даков» за много веков до рассматриваемой эпохи, ссылаясь на «признанный консерватизм» в этой сфере. Игнорируя значительную хронологическую дистанцию и масштабы этнокультурных и социально-политических перемен, произошедших в Карпато-Дунайских землях на протяжении предшествующих семи веков, он приписывает дакам II-III вв. верования фракийцев, описанные еще Геродотом в V в. до н.э., тогда как подобные данные можно было бы рассматривать не более чем вспомогательные, косвенные. Такой подход вряд ли оправдан даже с позиций разделяемой румынским исследователем концепции гето-дакийского континуитета и не может не приводить к искажениям реальной картины. Так, приводя сведения Геродота об «умерщвлении жены для мужа» и указывая на почти исключительно индивидуальные погребения даков II-III вв. как на свидетельство отсутствия у них этого обычая, автор предполагает, что эта «негуманная варварская практика» была запрещена римскими властями, не обращаясь к вопросу о существовании данного обычая в период IV-III вв. до н.э. и не учитывая, что речь идет о свободных даках, а не о населении провинции.

Выводы относительно представлений даков о посмертной судьбе М.Игнат основывает на мнении того же Fr.Cumont о различиях между кремацией и ингумацией с «эсхатологической» точки зрения. Ингумация связывается с последней с идеей возвращения умершего в землю, которая его породила и возродит к новой жизни; кремация же предполагает переход к вечной жизни в небесном мире, откуда нет возврата. Исходя из этого, наличие обряда кремации, по мнению автора, подразумевает веру даков в переселение души в «трансцендентальный мир» и подчеркивает уранический характер их религии (хотя им допускается существование верований, не согласующихся с «основной концепцией»). Однако приведенная умозрительная концепция, некритично принятая исследователем, на практике не подтверждается: можно привести немало широко известных примеров, когда обряд кремации не оказывается связанным с представлениями о небесном загробном мире (вспомнить хотя бы архаическую Грецию), как и с представлениями о «невозвращении» (в индуизме).

Возвращаясь к обычаю «добавочного» биритуализма, автор здесь связывает его с тем, что, по верованиям «многих народов», умершие в раннем возрасте попадают на том свете в особые условия. Однако это не объясняет, почему

детей хоронили по обоим обрядам: наряду с детскими труположениями, встречаются и детские трупосожжения. Не исключено, что это могло быть связано с возрастными различиями (в порядке предположения – с возрастными инициациями): согласно данным, приведенным автором, 75% труположений принадлежат детям до 6 лет, тогда как подростки старше 12 лет в этой категории полностью отсутствуют.

В четвертой главе осуществляется типология инвентаря с целью проследить развитие материальной культуры даков севера Молдовы и их связи с соседними территориями. Не принимая полностью типологию керамики Г.Бикира (Bichir 1973) как не вполне соответствующую набору керамических форм Подень и Зворыштя и содержащую спорные моменты (без уточнения, какие именно), М.Игнат разрабатывает собственную, исходя из ситуации на этих памятниках, с учетом не только целых или реставрированных сосудов, но и фрагментированного материала. Керамика разделяется по происхождению и технологии изготовления на следующие основные категории: дакийская лепная, дакийская гончарная, импортная и инородная (alogenă). Для каждой из них указано процентное содержание в керамическом комплексе, а также ряд технологических признаков (состав теста, обжиг и др.). Дальнейшая классификация в пределах каждой категории осуществляется по формам, которые делятся на типы и варианты, и сопровождается иллюстрациями. Каждый тип обозначен индексом из римских цифр (категория), букв латинского алфавита (форма) и арабских цифр (тип).

Для первой категории – дакийской лепной керамики – выделены такие формы как баночные сосуды, дакийские чашки, горшки, а также «редко представленные формы» – кружка и глубокая миска (castron). Вторая категория – дакийская гончарная керамика – более разнообразна: в ней различаются высокие сосуды для провизии, биконические сосуды, шаровидные сосуды, дакийские амфоры, кружки, кувшины, глубокие миски (castron), миски (strachină), кубки и крышки. Достаточно детально рассматривается использование тех или иных керамических форм в погребальном обряде (в качестве урн, крышек, инвентаря и др.), и их встречаемость в различных типах погребений. Выясняется происхождение каждой формы с привлечением аналогий из различных культурно-исторических областей, хотя в некоторых случаях оно указано неопределенно: «типичная форма с продолжительной традицией», «хорошо известная и распространенная форма» и т.п., причем нередко без ссылок.

В категории импортной керамики автор рассматривает только амфоры, хотя не исключает возможности присутствия других форм импортных сосудов. Все амфоры из Зворыштя (в По-

день они не обнаружены) отнесены им к одному типу с двумя вариантами, которые соответствуют неапольскому и танаисскому типам (Sanie 1981, Кропоткин 1970, Щукин 1974). Основанием для их объединения в один тип послужило морфологическое сходство. Их происхождение М.Игнат предположительно связывает с южными (малоазийскими и эгейскими) регионами, на основании только того, что откуда шел экспорт вина, масла и т.п., не приводя других аргументов. Указывая их датировку (по тем же авторам), он, тем не менее, не относит эти находки в число надежных хронологических реперов, учитывая возможность очень долгого (до 50 лет) употребления амфор в быту (Sanie 1981), и рассматривает их только как определенный элемент погребального ритуала и свидетельство связей даков с римским миром.

Инородная керамика выделена автором только в Зворыштя, так как в Подень и на других дакийских могильниках Молдовы, по его утверждению, она не обнаружена. Ее наличие М.Игнат связывает с присутствием инородного населения, а параллели данным типам находит на пшеворских и липицких памятниках Верхнего Поднестровья. В связи с ранней датировкой последних присутствие подобных сосудов в Зворыштя рассматривается им как «пережитки». Содержание понятий «форма» и «тип» в работе не раскрывается; критерии для выделения «форм» и типов в пределах «формы» исследователь не оговаривает и не придерживается определенной системы в их использовании. В разных случаях самые различные признаки выступают как ведущие при выделении типа, причем в некоторых случаях смешиваются. В результате по иллюстрациям иногда прослеживается отнесение к одному типу сосудов с принципиальными различиями по конфигурации; некоторые из них не вполне соответствуют описанию данного типа, зато обнаруживают сходство с сосудами других типов или даже других «форм» (рис. 7, 8, 9, 18). Но в целом типология керамики производит выигрышное впечатление благодаря ее четкости и подробности, а также богатству данных о морфологических и технологических особенностях сосудов разных форм и типов, их происхождении, распространении, назначении и, в некоторых случаях, времени бытования.

Типологию стеклянных сосудов, обнаруженных только в Зворыштя, автору сделать не удалось по таким объективным причинам, как деформация от огня и фрагментированность. Отдельные выразительные фрагменты определены им как обломки кубков на кольцевых подставках, но удовлетворительных аналогий им он не находит, подчеркивая только, что использование стеклянных сосудов в погребальном ритуале сближает Зворыштя с могильниками IV в.

Из хозяйственных предметов только ножи, относящиеся к одному типу (с прямой спинкой),

разделяются автором на три варианта по форме перехода от лезвия к черенку. Затрудняясь типологизировать другие предметы этой категории из-за их малочисленности, он пытается установить их происхождение, связывая ряд вещей, встречающихся на исследуемых могильниках, с территориями к северу от ареала культуры Поенешть: огнива – с пшеворской культурой, тубик для иголок – с Паннонией или Скандинавией. Обычай класть в погребения пряслица рассматривается им как дакийский, существующий параллельно с аналогичным обычаем сарматов и восточных германцев. Что касается украшений и деталей костюма, то фрагмент железного браслета с «шишечками» (*proeminente*) связывается с латенской традицией, распространение пряжек – с пшеворской культурой посредством липицкой, не исключая также возможности их римского или сарматского происхождения; подвесок-ведерок – с северным влиянием (без уточнения), отмечая их присутствие на дакийских территориях вне Карпат уже в позднем латене; стеклянных бус, бронзовых и костяных пиксид – с римским миром, как и костяных гребней, которые попали к дакам через Центральную Европу, вместе с обычаем класть их в погребения. Собственная типология разработана автором только для пряжек, остальные либо отнесены к уже известным типам (подвески-ведерки, костяные гребни), либо типология признана невозможной из-за деформации в огне (стеклянные бусы). Указывается степень распространенности тех или иных вещей на разных дакийских могильниках, а для некоторых (костяные гребни) также распределение по типам погребений.

Последняя глава, отведенная для археологических интерпретаций, содержит в первую очередь хронологические исследования, а также попытки этнической атрибуции рассмотренных групп памятников.

В качестве датирующего материала для могильника Подень привлекается единственная фибула «с ножкой, повернутой снизу» (*cu piciorul întors pe dedesubt*), а также пряжка и железная булавка с шаровидной головкой, аналогии которыми найдены в комплексах, датируемых фибулами с высоким приемником (*cu portagrafa înaltă*). Фибулы, аналогичные первой, соотносятся с VI группой по Альмгрену, хотя именно этот тип там не представлен (Almğren 1923); они были найдены в комплексах различных культур Восточной Европы в III в., не позднее 260-270 г. Для второго типа фибул автор не указывает датировку и не приводит никаких аналогий. Учитывая отсутствие материала, который мог бы относиться к началу III в., М.Игнат датировал Подень серединой III в. (в интервале двух десятилетий до и после 250 г.). Для Зворыштя были рассмотрены пряжки двух типов, один из которых датируется II пол. III в., другой – концом III –

IV вв., синхронный последнему железный тубик для иголок, а также булавка с шаровидной головкой. На этом основании данный могильник отнесен исследователем к концу III в. и, возможно, первым двум десятилетиям IV в., и рассматривается как один из самых поздних в группе Поенешть. Косвенным подтверждением датировки обоих памятников послужили и некоторые керамические формы, аналогии которым найдены в закрытых комплексах в сочетании с различными датирующими вещами. Однако малочисленность датирующих вещей, как и то, что датировка могильников определена автором обобщенно, минуя хронологические исследования отдельных комплексов, ставит под сомнение ее точность. В целом предложенные даты могут быть с некоторой осторожностью приняты как предварительные результаты.

Построить внутреннюю хронологию могильников Подень и Зворыштя автору не удается из-за недостаточного количества хронологических реперов. Вместо этого им выделено в Зворыштя четыре территориальные группы – участки концентрации погребений, которые рассматриваются как синхронные и связываются с социальной организацией в общине. Отмечая, что одну из них (судя по рис.20, самую многочисленную) отличают «архаические черты» (без уточнений, какие), наличие «инородной» керамики, а также использование смолы в погребальном ритуале, М.Игнат видит в этом свидетельство присутствия группы иноэтничного населения с собственными традициями. Причем, по его предположению, эта группа составляла первоначальное ядро могильника, хотя временной интервал между ней и первыми погребениями остальных трех групп был неумовимо коротким.

Периодизацию памятников группы Поенешть М.Игнат осуществляет на основе хронологической системы Годловского (Godłowski 1970), выделяя четыре фазы, которые, по его мнению, не имеют строгих границ и могут накладываться друг на друга. Для каждой фазы дана характеристика погребального ритуала, а для некоторых из них также соотношение с той или иной группой, выделенной выше по этому признаку. Распределение могильников по фазам осуществлено на основании корреляционного анализа с учетом разнообразных данных, от ритуала в целом и его специфических особенностей до распространения определенных типов сосудов и датирующих вещей (таб. VI). Выделенные фазы группы Поенешть синхронизированы с другими группами свободных даков (Липица, Килия-Милитарь), а также с культурой карпатских курганов, сарматской и Сынтана де Муреш (таб. VII).

Хронологические границы фаз определяют как по археологическим данным, так и путем

привязок к известным историческим событиям. Так, для первой фазы – Вэлень I (106-170 гг.) – ими служат даты образования провинции Дакия и вторжения костобоков. Она соответствует первой группе по погребальному обряду, которая, по словам автора, выделена скорее по ранней датировке, чем по характерным археологическим материалам. В второй фазе (150-240 гг.), которая названа «классической» для группы Поенешть, выделены две стадии – Поенешть и Пэдурень, соотношенные со второй и третьей группой по погребальному обряду. В чем состоит их хронологическое различие, остается неясным, так как, судя по указанным датирующим вещам, они практически синхронны.

Изменения в погребальном обряде и инвентаре, произошедшие с началом третьей фазы – Соходор (230-275 гг.), связываются с возможным северо- и центрально-европейским влиянием, учитывая распространение смолы и гребней в погребениях. К ней исследователь относит и могильник Подень. Небольшие размеры могильников этой фазы, по его мнению, указывают на немногочисленность и высокую мобильность человеческих коллективов в этот период. С данной стадией совпадает появление в письменных источниках упоминаний о карпах по соседству с провинцией Мезия (с 238 г.) и титула *Carpicus Maximus* у римских императоров, расширение ареала группы Поенешть на северо-восток Мунтении в середине III в., а также сокращение количества сарматских памятников к западу от Днестра. Все это М.Игнат считает свидетельствами утверждения сильного политического союза карпов и их военной экспансии. Конец третьей фазы соотносится с оставлением римской Дакии, а верхняя дата четвертой – Зворышта (275-315 гг.) – с последним упоминанием карпов к северу от Дуная в письменных источниках. Автор подчеркивает, что некоторые новые черты в погребальном обряде и формы керамики непосредственно предшествуют культуре Сынтана де Муреш, ранние памятники которой синхронны самым поздним дакийским, интегрирующимся в нее в первые десятилетия IV в.

Неоднократно указывая на связи населения группы Поенешть и более северных зон, М.Игнат представляет их развитие следующим образом: отмечая появления импорта на второй фазе, на третьей он видит в дакийской среде «культурное течение северного происхождения», а на четвертой – присутствие в ней индигенного населения, фиксируемое по погребальному обряду и керамике. Происхождение этого населения автор здесь не уточняет, но, судя по приведенным выше выводам, это прежде всего выходцы из ареала пшеворской культуры. Кроме этого, он отмечает появление на рубеже III и IV вв. других памятников, оставленных переселенцами с северо-европейских территорий, которые отличались от первых тем,

что не смешивались с автохтонами, но их конкретное происхождение не выясняется.

В этническом плане автор соотносит группу Поенешть с карпами. Основанием для этого выступают сведения письменных источников (без указаний, каких именно) о нападениях карпов на лимес Нижней Мезии, что позволяет, по его мнению, поместить их на территории к востоку от Карпат, в ареал Поенешть. Указывая, что большинство исследователей связывают с культурой карпов только период, соответствующий третьей и четвертой фазе этой группы, так как только с ними совпадают сведения о военных акциях карпов, он не уточняет свою позицию по вопросу об интерпретации ее первых двух фаз. Отождествление карпов с культурой карпатских курганов отвергается им из-за большого временного интервала между высшими упоминаниями о военных экспедициях карпов (238 г.) и самыми ранними памятниками этой культуры, а также слишком большого расстояния от ее ареала до Дуная.

Представленная монография выгодно отличается прежде всего четкой тематической структурой, тщательной систематизацией как представленного материала, так и выводов по различным аспектам исследования. Тем не менее, могут быть отмечены и отдельные структурные недостатки. В первую очередь, это не вполне определенная формулировка целей и задач исследования и связанная с этим недостаточная цельность и завершенность работы: частные выводы по многим из затронутых вопросов в дальнейшем, как правило, не обобщаются. Довольно отрывочно и в целом недостаточно полно представлена историография, как по данному периоду в целом, так и по отдельным главам и темам; указания на наличие большого числа исследований по различным вопросам, касающимся даков римской эпохи, чаще всего не сопровождаются анализом предложенных в них выводов и состояния исследуемой проблемы. По этой причине нелегко оценить по достоинству научную новизну и значение рецензируемой монографии.

Затронутые в ней проблемы разнообразны и, несомненно, важны. Благодаря обстоятельному анализу археологических данных, работа создает достаточно полное и разностороннее представление о погребальном обряде дакийского населения Молдовы во II-III вв. (по крайней мере, в археологическом аспекте) и его материальной культуре. Автор говорит о преждевременности исторического синтеза из-за недостатка данных и наличия пробелов во всех областях знания о данном периоде. Но представленная в монографии публикация материалов, типология инвентаря, классификация погребений, хронологические разработки и выявление внутренних связей между различными культурными явлениями могут послужить хоро-

шей основой для дальнейших исследований. Вместе с тем, общее впечатление от монографии могло быть более благоприятным, если бы не относительная слабость и недостаточная самостоятельность в области культурно-исторических реконструкций. На ее страницах нередко встречаются априорные, ничем не подтверждаемые тезисы, что несколько снижает доверие к результатам исследования. В других случаях напротив, чрезмерная осторожность в выводах оставляет пробелы там, где имеющи-

еся данные позволяют их заполнить. Складывается впечатление, что возможности материала, который был в распоряжении исследователя, использованы далеко не исчерпывающе. Но в целом работа в значительной мере раскрывает многие ранее недостаточно изученные аспекты последнего этапа дакийской культуры в Молдове и представляет несомненный интерес для исследователей в области археологии, истории и этнографии древних народов Карпато-Дунайского пространства.

ЛИТЕРАТУРА

- Козак Д.Н. 1989. Этнокультурное развитие населения северо-западной Украины в первой половине I тыс. н.э. // Автореф. дисс. док. ист. наук. Киев.
- Козак Д.Н. 1990. Особливості культурогенезу на території Північно-Західної України у першій половині I тис. н.е. // Археологія. № 4.
- Кропоткин В.В. 1970. Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н.э. – V в. н.э.). М.
- Цигилик В.М. 1975. Населення верхнього Подністров'я перших століть нашої ери (племена липицької культури). Київ.
- Щукин М.Б. 1974. Кельто-дакийские памятники рубежа н.э. и липицкая культура. // Кельты и кельтский язык. М.
- Щукин М.Б. 1994. На рубеже эр. СПб.
- Almgren O. 1932. Studien über nordeuropäische Fibelformen. // Manus Bibliothecae. 32.
- Babeş M. 1988. Descoperirile funerare și semnificația lor în contextul culturii geto-dacice clasice. // SCIVA, 39.
- Bichir Gh. 1973. Cultura carpică. București.
- Cabalska M. 1968. Quelques remarques sur le rite a incineration en Europe préhistorique. // Archaeologia Polona, X.
- Cumont Fr. 1947. Lux perpetua. Paris.
- Godłowski K. 1970. The chronology of the Late Roman and Early Migration Periods in Central Europe. Krakow.
- Ignat M. 1999. Dacii liberi din Moldova. Contribuții arheologice. Necropole de la Podeni și Zvoriștea. Iași.
- Nicolaescu-Plopșor D., Wolski W. 1976. Elemente de demografie și ritual funerar la populațiile vechi din România. București.
- Protase D. 1981. Autohtonii în Dacia. București.
- Sanie S. 1981. Civilizația romană la est de Carpați și romanitatea pe teritoriul Moldovei (sec- II î.e.n. – III e.n.). Iași.